

БАЙКИ ПРОКУРОРСКОГО СЛЕДАКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вген Форестовски

18+

Вген Форестовски

Байки прокурорского следака

«Автор»

2026

Форестовски В.

Байки прокурорского следака / В. Форестовски — «Автор», 2026

Нестандартный взгляд бывшего работника прокуратуры на расследование уголовных дел в 90е годы.

© Форестовски В., 2026

© Автор, 2026

Вген Форестовски

Байки прокурорского следака

БАЙКИ ПРОКУРОРСКОГО СЛЕДАКА

(истории из 90-х)

Сокращённый вариант

Все имена персонажей изменены на вымышленные, и любое совпадение с реально живущими, или жившими людьми случайно.

История первая

«ROYAL»

11-го июня 1993-го стояла чудесная погода, моё любимое начало лета! Время, когда нестерпимая жара чередуется с мощными грозовыми ливнями. Город утопал в только что распустившейся клейкой листве, ещё не успевшей потускнеть от серой придорожной пыли. Воздух по утрам свеж и прохладен, звонко чирикают стайки пернатых, но с восходом солнца наступают томная тишина и настоящее сибирское пекло. Именно в такое раннее утро выходного дня, во время одного из моих дежурств, раздался телефонный звонок.

- Ао! Опеативный дежуйный по Киевскому айону майоу Заащянский! Евгений Никааич, у нас убийство, - прокартавила трубка.

Хана моим сегодняшним культурным планам, - резонно умозаключил я, закрывая своё воскресное чтиво, и машинально вкладывая между его страниц попавшийся под руку карандаш. Самый нудный и дотошный дежурный, майор Заращанский! Дёргает прокуратуру на каждого покойника без разбору. Наверно опять какой-нибудь бедолага-висельник, вздёрнувшийся от несчастной любви, одинокий дед - скоропостижник с больным сердцем, или очередной алкаш траванулся алкогольным суррогатом, а его пьяные собутыльники сбежали, испугавшись мертвеца, с надеждой предположил я. В таких случаях прокуратуре делать нечего. После короткого перекура и обмена шутками со знакомыми операми и судебным медиком, прокурорского следователя отвезут домой, предоставив оформление всех необходимых юридических формальностей участковому инспектору. Такое в рабочих окраинах случается довольно часто. Через несколько дней нахождения на жаре труп начинает разлагаться, из его ушей, рта и носа сочится бурая пенистая жидкость и появляется тошнотворный запах гниющей плоти, по которому его и обнаруживают сантехники, бомжи, или соседи по лестничной клетке. Иди и устанавливай потом причину смерти. Лицо таких покойников распухает и становится тёмно-фиолетовым, как баклажан, губы резко увеличиваются в размерах, обнажая передние зубы со слегка высунутым сиреневым языком. Завершают всю эту безрадостную картину неестественно выпученные глаза с жёлто-красными белками навывкат и неизменные полчища насекомых, успевших отложить яйца с моментально проклюнувшимися опарышами на теле гниющего мертвеца. Мы, следственно-оперативные работники, привыкшие к подобным зрелищам, между собой называли подобные трупы "Поль Робсон", в честь давно забытого здоровенного негра, приезжавшего когда-то в СССР со своими пролетарскими песнями. С Заращанским спорить было совершенно бесполезно. Пожилой майор-перестраховщик прилежно зарабатывал пенсию. По мнению следователей нашей прокуратуры, он был одним из самых вредных и нудных дежурных в райотделе. Лично я относился к этому толстому картавому еврею с юмором и плохо скрываемой симпатией. Мужик занимался своим делом. Побольше бы таких...

- Хорошо, Михал Абрамыч, - ответил я трубке, - Отправляйте машину.

Минут через сорок за мной заехал старенький милицейский УАЗик с трафаретной надписью "Дежурная часть" на борту. Поздоровавшись за руку с весёлым говорливым водилой в легкомысленной майке на длинных лямках, я бухнулся на заднее сиденье. Четверть часа езды по свежему утреннему городу, умытому только что прошедшим дождём, и я на месте происшествия. В квартире, расположенной на первом этаже тридцатилетней панельной хрущёвки, были зарегистрированы супруги-пенсионеры по фамилии Лисицыны. Главу семьи звали Иван Прокопьевич, жену – Надежда Михайловна. На маленькой четырёхметровой кухне, в луже свернувшейся и местами подсохшей чёрной крови лежал труп молодой женщины с колото-резаным ранением в область сердца. Здесь же, на полу, валялся фабричный кухонный нож на синей пластмассовой рукоятке с округлой выемкой под указательный палец. Длинное прямое лезвие ножа так же было покрыто следами крови, недвусмысленно указывая на применение его в качестве орудия убийства. Конечно, профессионалы, до получения экспертных заключений пишут в официальных документах что-нибудь, вроде: "В ходе осмотра были обнаружены и изъяты следы бурого высохшего вещества, по виду напоминающего кровь", но оставим юридический сленг для скучных протоколов.

Лисицыны были доставлены в Кировский отдел милиции ещё до моего прибытия. Кроме них был задержан некий Сергей Литвинов, тридцатилетний безработный инвалид, так же находившийся в квартире на момент обнаружения трупа. Левая нога у парня была жёстко зафиксирована в коленном суставе и слегка искривлена от последствий какой-то давнишней травмы, или болезни, и никогда не сгибалась. На всех задержанных, со слов оперативников, имелись обильные следы того самого "бурого вещества", все трое находились в состоянии тяжелейшего алкогольного похмелья. Наскоро перекурив, и пообщавшись с прибывшим на место происшествия судмедэкспертом, я приступил к рутинной процедуре осмотра.

Убитая лежала возле газовой плиты. На вид ей было около тридцати лет, но в действительности она оказалась лет на пять, или шесть моложе, и была опознана, как Наталья Казакова. Женщина была одета в синее нейлоновое трико, прожжённое сигаретами в нескольких местах, синюю кооперативную футболку с кустарным логотипом фирмы "Adidas", и дешёвые каучуковые тапочки-сланцы на босу ногу. Внешний вид потерпевшей не оставлял сомнений – перед нами типичная безработная пьянчужка из местных. Здесь же, на стареньком кухонном столе, залитом уже успевшими подсохнуть напитками, в хаотичном беспорядке располагались скудные остатки примитивной закуски, состоящей из пары опустошённых консервных банок, одна из которых была превращена в пепельницу, пластиковой бутылки из-под газированной воды, трёх фарфоровых кружек, почерневших от ненадлежащего ухода столовых приборов, хлебных крошек, табачного пепла, и других следов пьяного застолья. Под столом, в углу, валялась пустая литровая бутылка из-под печально знаменитого спирта "Royal". Данный убойный напиток производился где-то в Европе и поставлялся в ельцинскую Россию в огромных количествах, что совсем не гарантировало отечественный рынок от чудовищных подделок. Особый успех спирт "Royal" имел благодаря своей 96% крепости, сравнительно низкой цене и легкой доступности. Редкое бытовое убийство не предварялось совместным распитием данного зелья. По имевшейся традиции литровая бутылка с красивой красно-белой этикеткой, украшенной императорской мантией и пятью коронами непременно приговаривалась до дна за один присест, после чего употребившие напрочь теряли рассудок и память. Однако, способность к активным действиям у выпившего чистый (или контрафактный) спирт пропадала далеко не сразу. Такой заколдыренный берсеркер мог наломать не одну кучу дров, пока не свалится от выпитых градусов, при этом, протрезвев, он не помнил буквально ничего из того, что с ним произошло. Соответственно, на то время пришлось и огромное число массовых отравлений с летальным исходом, или инвалидностью (слепота, глухота, алкогольный гепатит, кому как повезло). Обычно, перед употреблением "рояля", самый активный участник застолья,

выдыхая из лёгких максимально возможное количество воздуха, возбуждённо чокаясь посудой со своими собутыльниками, повторял так полюбившуюся россиянами сакральную фразу: “Ну что? Ударим по клавишам?!” Лишь к началу нулевых годов, после длинной череды отравлений, спирт “Royal”, как и весь отечественный питьевой спирт исчезнет из продажи окончательно. Но, вернёмся к осмотру квартиры Лисицыных.

Стены и дверь в кухню были обильно заляпаны подсохшей кровью в виде широких мазков на уровне груди взрослого человека. В помещении стоял характерный для пьяных бытовых запах - смесь перегара, несвежего тряпья и дешёвого табака. Для любого следователя и опера этот запах со временем становится практически родным, а у кого-то вызывает ностальгию даже в отставке. Прибывшие на место происшествия первыми, оперативники успели сделать устный опрос соседей, и пробить информацию по имевшимся в базах учётам.

Расклад вкратце был такой... Прошедшим вечером, во время знатного летнего грозового ливня в подъезд подвернувшейся на пути пятиэтажки забежала молодая парочка. Как вы уже догадались, это были наши герои – Серёга Литвинов и Наталья Казакова. Зонт у молодёжи отсутствовал, зато на запястье кавалера болтался пластиковый пакет с консервами “Бычки в томате”, булкой «Бородинского», газированной водой в пластиковой таре и, конечно же, литровой бутылкой спирта “Royal”. Весь этот джентельменский набор был куплен в попутном коммерческом ларьке по выбору дамы и предназначался для романтического вечера. По словам Литвинова, познакомились они с Наташей пару недель назад, на фуршете за местными гаражами и, как говорили в популярной телепередаче, уже “имели отношения”. Молодые люди уютно расположились на узком подоконнике между первым и вторым этажами. Время шло, а дождь, как назло, лил, и лил. До родного общежития идти было далековато, а мокнуть под ливнем ребятам из рабочей слободки совсем не хотелось. Коротко посоветовавшись, бедолаги решили выпить и закусить прямо здесь, у лестничного марша. Да вот беда - нечем открыть закуску! Находчивый джентельмен постучался в ближайшую квартиру на первом этаже. Дверь открыл тщедушный плешивый дедок в несвежей майке-алкоголичке. Вы опять правильно догадались – тот самый Иван Прокопьевич Лисицын, который мгновенно оценив ситуацию, сделал молодым людям предложение, от которого они не смогли отказаться, а именно – зайти к нему домой, обсохнуть, переждать дождь и совместно употребить в комфортных условиях за знакомство с радушным хозяином их забористый напиток. Старик был один. “Бабка придёт поздно” - успокоил он своих гостей, усаживая их за кухонный столик, улыбаясь в предвкушении дармовой выпивки.

- Ну, что? За знакомство?, - Лисицын протянул Сергею чайную кружку с налитым “роялем” .

Наутро Серёга так и не вспомнил, ни то, как пришла жена хозяина квартиры, ни то, что произошло с ним и его спутницей минувшей ночью. Когда я встретился с подозреваемыми в изоляторе временного содержания, все трое искренне негодовали по поводу происшедшего убийства, ссылались на потерю памяти в ходе распития спирта, категорически отрицая любые конфликты и какую-либо причастность к убийству Казаковой. Несмотря на видимое отсутствие оснований, параллельно следствием отработывалась обязательная версия о причастности к преступлению третьих лиц, которая, впрочем, была вскоре отвергнута, как несостоятельная. Стандартная оперативная разработка подозреваемых положительных результатов так же не дала. Заканчивались третьи сутки задержания подозреваемых. Необходимо было принимать решение об освобождении из-под стражи, или об аресте и предъявлении обвинения убийце. Но, кому его предъявлять, и, главное, каков настоящий мотив преступления?! Чёрт бы всё побрал! У меня в сейфе пять нераскрытых темных, а я в трёх пьяницах заблудился!

Согласно данным о личности подозреваемых и убитой, все они характеризовались, плюс-минус, одинаково. Люди, прямо скажем, не из высшего общества, скромного достатка, пью-

щие, но не судимые и прежде не имевшие серьёзных проблем с законом, по-жизни не агрессивные, правда, Лисицыны, со слов соседей, временами шумели за стенкой, но дальше этого дело не шло. Возникающие версии преступления ничем не подкреплялись, и лопались одна за одной, как мыльные пузыри. На допросах Литвинов утверждал, что не помнит ничего, начиная с момента застолья в квартире пенсионеров. Старики утверждали, что сильно опьянев, Литвинов и Казакова уснули прямо на полу кухни, а сами они, якобы, ушли спать к себе в комнату, шума не слышали, наутро, зайдя на кухню, Иван Прокопьевич увидел труп и стоявшего над телом Сергея Литвинова в крови, с ножом в руке. По словам маленького тщедушного Лисицына, Литвинов набросился на него, произошла короткая потасовка, на шум пришла его жена, которая пыталась разнять мужчин, поэтому все трое были перепачканы кровью убитой буквально с ног до головы. Вроде бы всё складно. Доверительный допрос в местном «иваси», под успокаивающий дымок сигарет с верблюдом на пачке. Вдруг, Литвинов нахмурился и, заглянув куда-то под крышку своей черепной коробки, неуверенно произнёс: "Наталья дня за три до убийства призналась, что изменила мне с каким-то соседом по общежитию. Больше я ничего не помню". Облегчённо выдохнув, я записал сказанное в протокол.

Через пару месяцев состоялся суд, на котором Литвинов подтвердил свои показания. Приговор - срок за умышленное убийство из ревности без отягчающих вину обстоятельств. С учётом всех обстоятельств, раскаяния, признания вины, и состояния здоровья, парень получил, если я не ошибаюсь, шесть с половиной лет колонии из десяти возможных. Да, да, дорогой читатель, это не опечатка, и не что-то выходящее из ряда вон. Законы Советского Союза, действующие в 90-е годы были гораздо гуманнее тех, что придут им на смену через пару десятилетий в процветающей капиталистической России. Очень скоро я забыл об этом проходящем, казалось бы, не представляющем никакой сложности уголовном деле. Прошло ровно два года. В июле 94-го, в одно из моих дежурств меня в сотый раз подняли на очередное убийство. И снова пьяная бытовуха! Я даже не сразу понял, что вновь оказался в знакомой квартире – сколько их было на моей памяти за это время. Убитой оказалась пожилая женщина по фамилии Лисицына. Убийство произошло на кухне, в ходе совместного с мужем распития спиртных напитков. Способ убийства – проникающее колото-резаное ножевое ранение в сердце. Я вспомнил и узнал ту самую кухню, и тот стол... На столе стояла опустошённая до дна литровая бутылка с бело-красной этикеткой и надписью "Royal". После задержания подозреваемый, Иван Прокопьевич Лисицын подтвердил, что накануне вечером он распивал с женой спирт. В доме кроме них никого не было. В ходе распития возникла ссора на бытовой почве. Иван Прокопьевич схватил лежащий на столе нож и воткнул его в грудь своей супруге. В содеянном задержанный полностью сознался и раскаялся. "Колоть" старика на предмет убийства двухгодичной давности никто не решился.

...Выслушав меня, прокурор подошёл к сейфу, достал из него початую бутылку водки и два небольших гранёных стакана, плеснул в них по пятьдесят грамм, посмотрел мне в глаза и, протянув один, устало сказал: "Завтра дел невпроворот. Что у нас по огнестрелу на Павлова? Вызывают в "Край". Мы поочерёдно выдохнули, глухо чокнулись и влили в себя проклятое зелье.

Что стало с Серёгой Литвиновым? Досидел ли он свой срок, или вышел раньше его окончания по УДО? За своё ли преступление он понёс наказание? Может быть, он погиб в колонии? Признался ли кому-то старик Лисицын в убийстве Казаковой, отбывая свой срок за убийство жены? Этого мы с вами уже никогда не узнаем.

Станочная 7- 8

Небольшая территория рабочего посёлка “Первомайский”, образованная улицами Кутузова, Станочная, Грунтовая и переулком Автобусный, с давних пор носит народное название “Чилим”. Не знаю, откуда пошло это название, и какой смысл в него вкладывался, но если Первомайка” считалась одним из самых неблагополучных районов правобережья, то в самой Первомайке” наиболее неблагополучным считался Чилим. Слышал, что существует некое одноимённое растение, используемое в кулинарии и медицине, более известное, как водный орех. В моём детстве “чилимом” называли «штрафной» щелбан, ставящийся оттянутым прямым средним пальцем, а в Средней Азии до сих пор так называют длинную трубку для курения анаши. Это уже теплее. По генеральному плану строительства основные промышленные предприятия тяжёлой индустрии располагались на правом берегу Енисея, в связи с чем в 1937-ом году образовался рабочий посёлок с праздничным названием “Первомайский”. Со временем посёлок обзавёлся двумя клубами, парком с зелёными аллеями и танцплощадкой для трудящихся, где по выходным играл духовой оркестр. Естественно, в местах массового скопления отдыхающих, пришедших тратить кровно заработанные, формировались группы скокарей, гопников, щипачей, проституток, спекулянтов и иных лиц, промышлявших лихостью. К концу 60-х инфраструктура первомайки пришла в упадок. Район превратился в тёмное захолустье с пьяными малинами и криминальными притонами, где даже в светлое время суток появляться было небезопасно. Центром Чилима являлась улица Станочная, состоявшая из дюжины жилых строений постройки 40-х-50-х годов прошлого века. В основном это были толстостенные двухэтажки с деревянными перекрытиями, построенные после войны пленными японцами. Судя по всему, с момента постройки, дома ни разу серьёзно не ремонтировались. В районе почти не имелось исправных уличных фонарей, а численность местного пешего милицейского патруля редко составляла менее пяти единиц. Проживавший контингент совершеннолетнего мужского населения Чилима практически полностью составляли либо уже ранее судимые лица, либо те, кого в связи с рабочей загруженностью оперативного состава МВД ещё не успели отправить на нары. Значительная масса пьяных бытовых убийств и изнасилований в Кировском районе города происходила именно там. Припоминается бессмысленное и дерзкое нападение на двух совсем юных парней, занимавшихся частным извозом, решивших подвезти ночного попутчика до злополучного “Чилима”. Оба потерпевших сидели спереди. Убийца попросил остановить автомобиль в безлюдном месте на пустыре, нанёс с заднего сиденья удары ножом в область шеи водителю и его товарищу, после чего не спеша удалился с места происшествия. Об этом рассказал чудом выживший водитель по фамилии Бурин. Его приятель, Животов скончался на месте от большой кровопотери. Преступление долгое время оставалось не раскрытым, пока в нем не сознался задержанный в 1995-ом году серийный убийца по имени Вадим Ершов.

Если вы пройдёте по улице Станочной сегодня, вам встретятся те же халупы. Наверняка они простоят ещё не один десяток лет. В одном из таких домов, осенью 94-го года произошло рядовое убийство. Убийцей оказалась скромная учётчица с местного цементного завода, сорокалетняя Тамара Титова. Убитым был её муж, ранее судимый безработный пьяница, тунеядец и дебошир, Сергей Титов – крепкий высокий мужик в синих лагерных наколках. Преступление произошло во время уже ставшей привычной обоюдной ссоры. По словам обвиняемой, пьяный муж начал в очередной раз избивать её, в связи с чем она схватила кухонный нож и нанесла им несколько колющих ударов в пах и в живот супруга. Как правило, в подобных случаях правоохранители испытывают сочувствие к жёнам–убийцам, проявляя к ним допустимое снисхождение. Обвиняемая признавала вину, раскаивалась в содеянном и охотно давала признательные показания. При этом Тамара даже не пыталась представить произошедшие события, как убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны, или в состоянии аффекта, за которые можно было рассчитывать на наказание, не связанное с лишением

свободы. Я не стал ходатайствовать об аресте Тамары Титовой, ограничившись подпиской о её невыезде, тем более, что за женщину очень настойчиво хлопотал местный опер по тяжким. Мне и без слов было понятно, что эта просьба была продиктована сугубо оперативными интересами сохранить своего надёжного информатора в неблагополучном районе. Убитый Титов был человеком пропащим, его уже не вернуть, а от того, что до суда женщина побудет на свободе - и ей легче, и следователю не придётся тратить время на поездки через весь город для проведения следственных действий с её участием в городской следственный изолятор. Насмерть перепуганная перспективой изменения меры пресечения на арест в случае неявки по повесткам, обвиняемая будет являться в прокуратуру по первому вызову. Внешне это несчастное создание напоминало мне Бьёрк из фильма "Танцующая в темноте". Старушечьи очки в роговой оправе с сильными диоптриями, увеличивающими глаза без следов косметики, тихий извиняющийся голос. Даже в операх, чуждых любой сентиментальности, Тамара Титова пробуждала неподдельное сочувствие и искреннюю жалость. Тем не менее, квалификация действий женщины не вызвала сомнений, - умышленное, без отягчающих, от трёх до десяти. Через три месяца расследование было завершено. Оставалось предъявить окончательное обвинение, в последний раз допросить обвиняемую, и ознакомить её с собранными материалами. Работы часа на два - три, и дело можно направлять в суд. Но тут случилось нечто совершенно уникальное и непредвиденное.

“Палочная” система в прокуратуре, как и в органах МВД, существовала, вероятно, всегда. Количество направленных в суды и закончившихся обвинительным приговором дел - показатель не только работы следователя, но и прокуратуры в целом, а показателями у нас не разбрасываются. Вдруг, ни с того, ни с сего меня вызвал к себе прокурор, который сообщил, что из главка поступило указание направить несколько наших уголовных дел для дальнейшего расследования в прокуратуру соседнего района. Якобы, у «ленинцев» в производстве так мало дел, что они совсем заскучили. Честно говоря, такого на моей памяти не было никогда, и ничего подобного я ни до, ни после того случая, ни от кого не слышал. Работы хватало всегда и везде. Но, как говорится, “Дают - бери, бьют - беги”. Любой нормальный человек будет только рад, если начальство его хоть немного разгрузит. Вот только, с какой стати мы должны делиться своими показателями с нашими конкурентами и отдавать им свою законную «палку»?! Как я не пытался убедить начальство направить от нас подальше какой-нибудь нераскрытый геморрой, а не готовое в суд уголовное дело, у меня так ничего и не вышло. Пришлось согласиться и расстаться с двумя, или тремя самыми перспективными делами, на которые мне было очень конкретно указано. Среди этих дел было и дело по обвинению Титовой. Прошло около года. К этому времени я уже уволился из прокуратуры и работал адвокатом. В один из осенних дней я прибыл для участия в производстве следственных действий в изолятор внутреннего содержания Кировского района по какому-то из дел, и встретил там... Тамару Васильевну Титову, собственной персоной. “Тамара! Привет! Тебя что, ещё не осудили?” - поздоровавшись, как со старой знакомой удивился я. Титова, явно не обрадованная нашей встрече, заёрзала по лавке, бурча что-то нечленораздельное себе под нос. От следователя я узнал, что Титова находится под стражей по делу о причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть её новому сожителю... Фабула дела была абсолютно аналогична фабуле дела об убийстве Сергея Титова. Пили, поругались, в ходе ссоры, якобы, защищаясь, нанесла несколько ударов ножом, от которых мужик скончался в больнице. Что самое интересное, девочке-следователю (дела о причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего расследовались следователями МВД) ничего не было известно ни об убийстве двухлетней давности, ни о судьбе уголовного дела, переданного по указанию прокурора в Ленинскую прокуратуру. Справки о наличии судимостей Тамары Титовой из информационных центров МВД пришли “чистыми”.

По всем криминальным учётам Тамара Васильевна к уголовной ответственности привлекалась впервые...

Выйдя на улицу и закулив, я подумал: неужели эта близорукая бомжеватая моль – такой сверхценный секретный агент? Неужели вот из-за этой женщины проводятся такие дерзкие оперативные комбинации? Какая такая агентурная информация стоила сокрытия убийства, пусть и отпетого уголовника, на столь высоком (не ниже краевых руководителей с широкими лампасами на штанах) уровне и избавления виновной от законного наказания? А может, всё гораздо проще, при нашем-то бардаке? К чему забивать голову? Я уже преуспевающий адвокат! Стряхнув столбик табачного пепла, я выдохнул из лёгких остатки дыма, размашисто бросил сигарету в урну и, подняв воротник плаща, заспешил по своим делам.

История третья

Железяка

Високосное лето девяносто второго выдалось аномально жарким. Начальство в отпусках. Я сижу в своём громадном кабинете на улице академика Вавилова и смотрю на три стопки уголовных дел, только что извлечённых мной из сейфа. От жары спасает старенький вентилятор и открытое настежь зарешёченное окно в тихий дворик, засаженный развесистыми тополями, с судачащими на лавочке местными старушками. Открытое окно наглухо занавешено плотными коричневыми шторами, свисающими с четырёхметрового потолка до самого пола, от чего в кабинете приятный приглушённый свет и желанная прохлада. В одной из стопок, лежащих передо мной, “темнұхи” – не раскрытые дела об убийствах за последние два года. В современных телесериалах про ментов подобные дела называют “глухарями”. Название существовало и в моё время, но у нас оно почему-то не прижилось. Во второй стопке – “железяки”. Это доказанные дела, по которым у следователя имеется стопроцентная уверенность в судебной перспективе и обвинительном приговоре. «Железяк» по общему правилу и закону подлости, всегда на порядок меньше “темнұх”. Третья стопка, лежащая передо мной – «подарки». Это дела, временно передаваемые от коллег, уходящих в отпуск, уезжавших в командировку, или ушедших на больничный. Как правило, такие дела передаются в спешке, с нарушенными сроками, заволокиченные, не пронумерованные, не редко даже не подшитые в отдельный том, малоперспективные и являющиеся по своей сути просто головной болью. Наскоро пролистав материалы и отметив самые вопиющие недостатки, следователь, принимающий такое дело, изображал страдальческое лицо и, заходя в кабинет к дарителю-отпускнику, без надежды в голосе, ныл что-нибудь вроде: «Серёга... Ты это... Если дело передаёшь, хоть немного-то его подманди, у меня ведь и своих полный сейф...» Коллега нехотя забирал дело, но в итоге то ли не успевал, то ли забывал, а скорее всего просто ленился исправлять свои недоделки, вследствие чего «подарок», после убийства сотрудника, в неизменном виде оказывался на столе у несчастного следователя, которому предстояло продолжить его расследование.

Именно такое уголовное дело я листал, сидя в своём кабинете летом 1992-го года. Очередная пьяная история, закончившаяся трупом. В подвале на Вавилова четыре месяца назад обнаружен труп неизвестного. На вид 45-50, БОМЖ. Пролежал возле теплотрассы до обнаружения не меньше недели, в связи с чем опознать личность по горячим следам не удалось. Причина смерти – открытая черепно-мозговая травма, в просторечье, “чематуха”. Рядом с трупом присутствовали стандартные и характерные для подобных случаев следы пьянки. Там же валялся метровый обрезок ржавой стальной трубы-десятки со следами крови, мозгового вещества и прилипших волос. Орудие убийства, к бабке не ходи. Опрошенные местные жители и

поднятые оперативниками бездомные агенты так же оказались совершенно не в курсе убийства произошедшего в вавиловском подвале. "Темнуха" пару раз приостанавливалась в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и дважды данные постановления отменялись надзирающим руководством. Нехотя размышляю над тем, какие и кому в данной ситуации можно дать поручения, куда послать запросы и кого передопросить, чтобы в третий раз приостановить производство, так, как очередной процессуальный месячный срок расследования по отменённому постановлению неумолимо подходил к концу. В углу стола забренчал городской телефон. Оторвавшись от чтения дела, вспоминаю про своё дежурство и поднимаю трубку. В двухэтажке на Павлова обнаружен труп мужика. Похоже на убийство. Это рядом. Пять минут ходьбы. Далее – по схеме. Не спеша набиваю дежурную папку бланками протоколов, убираю дела в сейф, шумно закрываю высокое окно. Посмотрев в зеркало и скорчив себе несколько злобных гримас, делаю крупный глоток остывшего кофе из большой фарфоровой чашки с «траурной каймой» внутри, иду в коридор, замыкаю за собой кабинет и выхожу на улицу, закуривая на ходу. Жара за тридцать стояла уже не первый день, труп обнаружили по запаху. Дверь в квартиру на втором этаже оказалась не заперта. В маленькой однушке проживали пожилые супруги. Жена находилась в отпуске, у родственников, на Украине.

Потерпевший лежал на спине, на собранном диване без постельных принадлежностей. Руки трупа вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты в коленях. Одет по-домашнему, рубашка заправлена в старенькое трико. На лице трупа лежала перьевая подушка. Из носа и рта покойника вытекли обильные и обычные в таких случаях сукровичные выделения. Лицо и живот раздуты трупными газами. Кожа на распухших конечностях местами полопалась и приобрела чёрный цвет. В квартире стоял тяжёлый смрадный запах разлагающейся на жаре плоти. Полчища жужжащих чёрных мух атаковали оперативную бригаду. Медик, чиркнув спичкой, поджог найденную на кухне газету. Дав огню разгореться, он бросил её на пол и тут же затоптал пламя ботинком. Дышать стало немного легче.

Первичный осмотр трупа видимых телесных повреждений не выявил. Следов борьбы в квартире не обнаружено, однако, без сюрпризов не обошлось. В серванте отсутствовал вся посуда. По словам соседки, это был советский хрусталь. На пыльных стеклянных полках остались лишь следы от салатниц, ваз, тарелок, рюмок и фужеров. Денег в доме так же не оказалось. Потерпевший характеризовался, как тихий, замкнутый пьющий человек, инвалид по зрению. Шума из его квартиры соседи никогда не слышали. Оснований немедленно возбуждать уголовное дело на данном этапе не усматривалось. Решаю дожидаться результатов вскрытия трупа. Предварительные выводы узнаю по телефону, на следующий день.

- Ну, что, дружище, радуйся. Дырок и переломов нет, подъязычная цела, средняя степень опьянения, с тебя флакон! - успокаивает меня эксперт.

- Прыгаю от счастья. А чё помер-то?, - отвечаю ему в тон, - Подушкой могли кончить?

- Трудно сказать... Гнилостные изменения. Теоретически – да, но практически – вряд ли. Следов сопротивления не видно, а они в таких случаях, как правило, имеются... Потерпевший мог умереть от внезапного инфаркта, а мог быть удушен подушкой, которая была обнаружена на его лице при осмотре. В течение десяти дней мне предстояло принять решение о возбуждении, или об отказе в возбуждении уголовного дела. За это время произошло ещё два убийства, которые так же оказались в моём производстве. К счастью, оба были из разряда «железяк», но по обоим были задержаны люди, требовалось выполнить не малый объём работы по закреплению доказательств, что отнимало довольно много времени. Незаметно подошли девятые сутки. По факту обнаружения трупа на Павлова никакой новой информации не появилось. Сажусь за печатную машинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.